

УДК 82-6

**А. С. ХОМЯКОВ – УЧИТЕЛЬ И ПРОПОВЕДНИК
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИСТОЛЯРИЯ)***

М. Д. Кузьмина

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
высшая школа печати и медиатехнологий
кафедра книгоиздания и книжной торговли

Статья посвящена изучению установки на учительное слово в эпистолярии А. С. Хомякова. Традиции исповедального дружеского письма, популярной в первой трети XIX в., идеолог славянофильства в 1840–1850-е гг. предпочел традицию проповеди. Ориентированная на евангельскую, проповедь под его пером нацелена не только на христианские добродетели, но и на славянофильскую деятельность.

Ключевые слова: *А. С. Хомяков, учительное слово, проповедь, притча, эпистолярный, жанр.*

Большая часть сохранившегося эпистолярного наследия А. С. Хомякова относится к 1840–1850-м годам, десятилетиям, следующим за пиком популярности жанра письма в России. Еще в 1830-е годы была актуальна традиция исповедального дружеского послания (см. подр.: [2]). К. С. Аксаков, А. И. Герцен, Т. Н. Грановский и другие современники Хомякова в молодости отдавали ей дань уважения. Они и в зрелые годы сохраняют приверженность к эпистолярному жанру. Корпус же писем Хомякова поражает своей малочисленностью. Идеолог славянофильства неоднократно признавался в неудовлетворенности жанровыми возможностями письма и в нелюбви к ведению переписки: «...очень ловко рассказывать свои мысли в разговоре или письменно, когда они представляются в цельности или вводятся хотя и отрывочно, но связью речи, очень трудно выразить их отдельно в письме, в одно время без введения и без полноты» [8, с. 311], «...к письму не чувствую ни малейшего позыва...» [Там же, с. 439] и мн. др. «Правда твоя <...>, – соглашался он с А. В. Веневитиновым, – что без особенного дела я не вдруг соберусь писать. <...> ...мне всегда нужен, как ты говоришь, крючок, к которому прицепить свое письмо» [Там же, с. 65].

Такой «крючок» нужен был Хомякову, когда он адресовался к друзьям и единомышленникам. Именно им посвящена основная часть его писем. Можно сказать, что это письма «по поводу». Более того, «повод» практически всегда не из сферы эмпирики жизни. Напротив, он имеет идеологическую подоплеку, связан с принципиальными для Хомякова-славянофила убеждениями, верой, позицией. Это может быть отклик на общественное поведение единомышленников или противников, на появившуюся в печати работу, наконец, на неверные суждения, высказанные адресатом, и т. п. В противовес свободным душеизлияниям, характерным для дружеского

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Отделение общественных и гуманитарных наук), научный проект № 17-04-00170а («А. С. Хомяков и его наследие: подготовка комментированного издания сочинений»).

исповедального письма первой трети XIX в., в эпистолярной Хомякова возобладала установка на учительное слово, письмо-проповедь. В этом, очевидно, сказывались как особенности его личности (достаточно закрытой, не склонной к доверительным признаниям и меланхолии) и возраст (в 1840–1850-е гг. ему более 40–50 лет), так и особенности эпохи. Время «идеалистов тридцатых годов» (П. В. Анненков) осталось в прошлом, наступила пора зрелости и общественного служения. Будучи старше своих корреспондентов-славянофилов (Ю. Ф. Самарина, братьев Аксаковых и др.), занимая положение идеолога славянофильского кружка, Хомяков проповедует, откликаясь в том числе на запросы адресатов. От него ждали ответов.

Та архиважная роль, которую в эпистолярной Хомякова играют элементы жанра проповеди, как очевидно, в немалой степени обусловлена самой ее природой и заложенными в этой последней возможностями. По наблюдению современного исследователя, «среди жестко регламентированных, “канонизированных” жанров богослужебной коммуникации проповедь всегда занимала особое место. Ее своеобразие – в наибольшей степени авторской свободы» [7, с. 228]: это «... комплексный <...> жанр, состоящий из цепочки более мелких жанров» и потому предполагающий гибкие «жанровые переключения» [Там же]. При этом в составе проповеди преобладают дидактические жанры. Являясь комплексным монологическим жанром с установкой на диалог, проповедь близка к эпистолярному жанру, отличающемуся этими же особенностями, и, возможно, в какой-то степени примиряла с ним Хомякова. Последний задействует едва ли не весь спектр жанровых составляющих проповеди – прежде всего наставляет, но также обличает, объясняет, советует, утешает.

Во всем корпусе эпистолярной Хомяков выступает, в сущности, с одной развернутой проповедью – о Христе и о «русской идее». Определяемое мировоззрением автора писем, содержание этой проповеди в основе своей тождественно, к какому бы адресату он ни обращался. Оно достаточно единообразно не только по содержанию, но и по форме.

Проповедуя, Хомяков ставит диагнозы, как духовные, так и светские, как отдельным лицам, своим корреспондентам (например, И. С. Аксакову: «Кажется, ереси в вас нет, а только некоторый маленький стоицизм и боязнь вмешивать Бога в суету жизни земной» [8, с. 365]), так и всей России («Слава Богу, кажется, участь Севастополя решена. <...> ...это происшествие, носящее на себе характер жизни, и жизни народной» [Там же, с. 325]). Одновременно указывает путь излечения и развития. Советует А. Н. Попову «...сказать себе не “я хотел бы”, но “я хочу”. Тогда тревога упадет перед решимостью...» [Там же, с. 186]; полагает: «...все общины христианские должны к нам прийти с смиренным покаянием, не как равные к равным, а как владельцы частных истин, которых они ни связать между собою, ни вполне за собою утвердить не могут... <...> Православие не есть спасение человека, но спасение человечества» [Там же, с. 138] и т. п.

В эпистолярной идеолога славянофильского кружка устойчивы императивные и модальные формы (*должен / не должен, надобно, не могут* и т. п.), примечательно употребление глагола-связки *есть / не есть*, обычного для философского дискурса и придающего высказыванию характер одновременно авторитетного и универсального умозаключения. Хомяков стремится быть убедительным, приводя систему аргументации, выражая свою уверенность – в том числе в отношении будущего, вследствие чего его суждения принимают вид пророчеств, ср.: «Известие о болезни Самарина меня огорчило, хотя я уверен, что последствий никаких не будет» [Там же, с. 424]; «Запад востепенится, правда, уже лишенный своей резкой особен-

ности...» [Там же, с. 351]; «Россия сильна, непоколебима <...>; но она всегда жила особняком. Так было, есть и будет» [Там же, с. 412] и др. Тем самым в эпистолярной наряду с профанным актуализируется сакральный план содержания. Их сочетание заложено в традициях жанра проповеди.

Сакральное актуализируется в эпистолярной Хомякова не только через суждения-пророчества, но и, в первую очередь, через лейтмотивную тему Бога, во имя Которого автор писем проповедует, именем Которого наставляет и благословляет («С Богом, любезный Юрий Федорович, на новый, неожиданный путь! <...> Да будет воин вооруженным гражданином! С Богом!» [Там же, с. 285]), подобно тому как это делали апостолы и, наследуя им, делают священники. Подобно тем и другим, идеолог славянофильства апеллирует к богодухновенным текстам: Евангелию, Апостолу, Псалтири, – и обращается к высокому стилю, архаичной лексике, использует церковнославянизмы, за счет чего также преподносит свои суждения как сакральные и авторитетные и актуализирует благоговейную тональность, не менее характерную для проповеди, чем учительная (см. подр.: [3; 4, с. 32, 44–45, 62–70; 5]). Он и цитирует, и пересказывает отдельные места Священного Писания, но чаще – немногими словами отсылает к ним. Этого было достаточно для его корреспондентов, людей религиозных и начитанных, чтобы самостоятельно опознать текст и «восстановить» исходный контекст. Вместе с тем автор писем, в соответствии с жанровыми традициями проповеди, помещает слова Священного Писания в новые контексты. Прежде всего – в традициях жанра проповеди проецирует вечное на современные ему и его адресатам ситуации, в очередной раз совмещая сакральный и профанный планы.

Наиболее часто Хомяков апеллирует к Евангелию, заставляя корреспондентов услышать в своих словах слова Христа, Основоположника христианской проповеди. За счет этого высказывание обретает особую авторитетность. Своих адресатов автор писем, таким образом, ставит в положение учеников Христовых, избранных на благовествование миру. Очевидно, по мысли Хомякова, славянофилы в современную эпоху наследуют апостолам, сохраняя верность Богу. Автор писем призывает соратников не опасаться и не стыдиться своей малочисленности. Напротив, противопоставляет эту небольшую группу избранных – огромному количеству погибающих (вероятно, ожидая, что его корреспонденты вспомнят слова Христа о «малом стаде» (Лк. 12: 32) и о немногих, входящих «тесными вратами» – Мф. 7: 13–14). Так, отвечая на сомнения Самарина, Хомяков учит: «Человек не имеет права отступить от требований науки. Он может с утомления закрыть глаза, насильно на себя наложить забвение, но последующий за этим мир есть гроб повапленный, из которого не выйдет никогда ни жизни, ни живого» [8, с. 239] (ср.: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным (по-церковнославянски: *повапленным*. – М. К.) гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты...» – Мф. 23: 27–28), «...общество пляшет, дворянство играет в карты, чиновник крадет, поп меняет каноны на гривенники; да ведь это делали всегда; разом не переменяйся. И тогда, когда придет Сын Человеческий, разве не то же? Он найдет мир, плетущийся по своим привычным колеям» [Там же, с. 297] (ср.: «И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех. <...> ...так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится» – Лк. 17: 26–30). Той же цели служит цитата из Псалтири в письме к И. Аксакову: «...нас подрезало равнодушие общества, подобного “аспиду глуху, иже не

обаваются от премудра» [Там же, с. 386] (ср.: «Отчужишиа грешницы от ложесн, заблудиша от чрева, глаголаша лжу. Ярость их по подобию змеину, яко аспида глуха и затыкающего уши свои, иже не услышит гласа обавающих, обаваемь обаваются от премудра» (Пс. 57: 4–6), в синодальном переводе: «С самого рождения отступили нечестивые, от утробы *матери* заблуждаются, говоря ложь. Яд у них – как яд змеи, как глухого аспида, который затыкает уши свои и не слышит голоса заклинателя, самого искусного в заклинаниях»), – где по принципу антитезы общество соотносится с грешниками, распявшими Христа иудеями, извергающими, подобно ядовитой змее, яд, славянофилы же – с «искусными заклинателями», тщетно силиющимися их образумить словом истины (толкуя этот псалом, свт. Афанасий Великий видел в нем отсылку к ветхозаветному змею, виновнику грехопадения праотцев Адама и Евы, но отмечал, что, пророчествуя об иудеях, распявших Христа, псалмопевец Давид уподобляет их не просто змею, а аспиду, «...у которого на зубах яд, и который не хочет слышать заклинателей и потом отложить свою ярость»). Он поясняет: «Говорит же это, потому что иудеи, по слову Исаии, *отягчили слух свой*, чтобы не слышать им словес Господних (Ис. 6: 10)» [1, с. 209]).

И все же гораздо больше усилий Хомяков прилагает, чтобы безотносительно к состоянию окружающего мира позаботиться о внутреннем мире своих соратников, укрепить их. В целом ряде писем он соотносит деятельность славянофилов прежде всего с сеянием хлеба: «Поле чисто, да его надобно вспахать анализом науки и засеять семенем живым» [8, с. 178], «никто из нас не доживет до жатвы» [Там же, с. 252], «сейте, где можно и сколько можно; где взойдет, никто не возьмется сказать» [Там же, с. 286], «мы с вами увидим хлеб в краске, хотя зеленой настоящих не увидим» [Там же, с. 299], – отсылая сразу к целому ряду фрагментов и несколькими важным образом-символам Евангелия (семя, сеятель, хлеб и др.). Символично, что славянофилы «сеют» именно «хлеб» – несомненно, Хлеб Жизни Вечной. Хомяков вслед за Христом призывает соратников «сеять», «где можно и сколько можно», отсылая прежде всего к знаменитой притче о сеятеле. Вслед за Евангельским Сеятелем, бросающим семена на всякую почву, Хомяков призывает соратников всем и всюду проповедовать истину, не ожидая ни быстрого отклика, ни награды в земной жизни. Очевидно, их радость должно составлять то, что они служат Богу, наряду с апостолами совершают дело благовествования миру. Христос говорил ученикам: «...возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве. Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий, и жнущий вместе радоваться будут...» (Ин. 4: 35–36). Но если Он посылал апостолов «жать» то, что было «посеяно» другими, то Хомяков видит необходимость в современной ему России именно «сеять», причем на «непаханом», «чистом» «поле» [Там же, с. 178], то есть начинать практически с нуля, возложив на плечи тяжкое бремя. «Жать» же, причем в отдаленном будущем, предстоит их преемникам, а самим славянофилам не доведется увидеть даже «зеленой настоящих» [Там же, с. 299]. Хомяков стремится укрепить славянофилов словами святого апостола Павла, настроив на духовно здоровое отношение к служению Богу: «...мы не можем ничего ожидать скорого, – пишет он Самарину, – ибо всегда должны помнить, что борьба наша не к крови и плоти» [Там же, с. 277]. Эти слова приводятся и в письме к К. Аксакову: «Несть наша борьба крови и плоти» [Там же, с. 351]. «Восстанавливая» контекст цитаты из Послания к Ефесеям, адресаты Хомякова получали полное наставление, которое должно было их воодушевлять: «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не про-

тив крови и плоти, но против начальств, против властей, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6: 12).

В контексте этой развернутой проповеди, с которой Хомяков выступает на страницах писем, ему было достаточно одного-двух слов соответствующей тематики (например: «О неверующий!» [Там же, с. 190]) или в архаичной форме, на церковнославянском языке, например: «Неужели ни у кого не найдется смысла? Или вси обуяша до единого?» [Там же] (церковнославянское «обуяша» (обезумели, лишились смысла), актуализируя в целом религиозный контекст, отсылает, в частности, к ряду текстов. Например, к ветхозаветной книге пророка Иеремии: «... понеже обуяша пастырие и Господа не взыскаша, сего ради не уразуме все стадо и расточено бысть» (Иер. 10: 21), в синодальном переводе: «...ибо пастыри сделались бессмысленными и не искали Господа, а потому они и поступали безрассудно, и все стадо их рассеяно»), – чтобы актуализировать сакральный план содержания и вызвать у адресата повышенное внимание к предмету речи и повышенное же доверие к содержанию высказывания.

Вместе с тем Хомяков, вновь в традициях жанра проповеди, позиционирует себя неоднозначно. С одной стороны, он как «пастырь» находится над «пасомыми», с другой же – рядом с ними, как подобный им человек, а потому обращает учительное слово не только к другим, но и к самому себе. Отсюда распространенность в эпистолярной идеологии славянофильства наряду с императивными и модальными формами – характерных для жанра проповеди «мы»-форм. Если первые, по справедливому наблюдению О.А. Прохвятиловой, выражают «иерархические отношения между участниками коммуникации» («проповедником и прихожанами»), то вторые – «симметричные» [6, с. 43]. Если первые связаны с собственно учительно-проповеднической тональностью, то вторые несут на себе также печать тональности покаянной. Хомяков прибегает к «мы»-формам достаточно часто. Например: «Богом данные силы разума оставляются в каком-то преступном небрежении от вечного ожидания чудес. Это – наша болезнь» [8, с. 142], «Не позволительно нам молчать...» [Там же, с. 274], «Мы не привыкли думать и оттого и придумать не умеем» [Там же, с. 277]). За счет «мы»-форм в эпистолярной решается целый ряд задач: руководя соратниками, Хомяков не уязвляет их самолюбие и не вызывает протеста, а вызывает, напротив, уважение к себе, потому что, с одной стороны, по-христиански смиряет себя, а с другой – поднимает их статус до своего, побуждая к сотрудничеству. Он формирует у адресатов-славянофилов чувство общности, единого кружка, совместными усилиями достигающего целей и находящегося на верном пути под водительством Христа.

В традициях жанра проповеди Хомяков апеллирует к притчам. Никто из проповедников после Христа не говорил притчами. Священник, обращаясь к пастве, только пересказывает и толкует ту из них, которая читалась за богослужением; разъясняет ее смысл, подобно тому как Христос разъяснял его ученикам. Хомяков же идет другим путем. Он не пересказывает и не толкует евангельские притчи, а лишь отсылает к ним, заставляя адресатов вспомнить их содержание – и тут же приспособившая его к целям своей славянофильской проповеди, как это было в случае с притчей о сеятеле. В то же время отваживается сам говорить притчами. Он включает их в свою проповедь, как это делал Христос. Например, в письме к А.И. Кошелеву идеолог славянофильского кружка рассказывает достаточно развернутую притчу о трех братьях, только старший из которых (православие) сохранил переданную отцом (Богом) истину, тогда как младшие (представители других

конфессий) ее исказили (см.: [8, с.139]). Притчевый дискурс, осмысленный в евангельских традициях, придавал особую сакральность и авторитетность проповеди Хомякова.

Учительно-проповедническое слово, преподнесенное в форме дружеского письма, не теряя своей непреложности, приобретало гибкость, диалектичность. Оно должно было восприниматься как слово идеолога славянофильства и старшего товарища, но одновременно – соратника. Оно излагало основы убеждений, веры, жизненной позиции Хомякова, отстаивавшиеся им в посланиях к разным лицам, равно как и в неэпистолярных текстах, но, обращенное к конкретному адресату в личном письме, – это слово воспринималось как доверительно-личное, побуждавшее к соответствующему отклику. Эпистолярная форма, с одной стороны, не могла не формировать у адресатов иллюзии права на свободный выбор, а с другой – многократно повышало действенность проповеди.

Список литературы

1. Афанасий Великий, свт. Толкование на псалмы. М.: Благовест, 2011. 528 с.
2. Гинзбург Л. Я. «Застенчивость чувства». По поводу писем людей пушкинского круга // Красная книга культуры. М.: Искусство, 1987. С. 183–188.
3. Ицкович Т. В. Базовые субкатегории тональности в текстах религиозного стиля (на материале православной проповеди) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 160–168.
4. Ицкович Т. В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дис. ... докт. филол. н.: 10.02.01 / Т. В. Ицкович; Уральский федер. ун-т. Екатеринбург, 2016. 387 с.
5. Ицкович Т. В. Тональность православной проповеди // Современная лингвистика и межкультурная коммуникация: коллект. моногр. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. С. 69–97.
6. Прохвятилова О. А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы: автореф. дис. ... докт. филол. н.: 10.02.01 / О. А. Прохвятилова; Гос. ин-т рус. языка им. А. С. Пушкина. М., 2000. 46 с.
7. Розанова Н. Н. Коммуникативно-жанровые особенности храмовой проповеди // И. А. Бодуэн де Куртенэ: Ученый. Учитель. Личность / Красноярский гос. ун-т. Красноярск, 2000. С. 227–240.
8. Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 8: Письма. М.: Университетская тип., на Страстном бульваре, 1900. 538 с.

A. S. HOMYAKOV – THE TEACHER AND THE PREACHER (ON MATERIAL OF LETTERS)

M. D. Kuzmina

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
Higher School of Publishing and Media Technologies
the Department of Book Publishing and Book Trading

The article is devoted to studying the didactic (uchitelny) intention in A. S. Homyakov's epistolyariya. The ideologist of Slavophilism in the 1840–1850th, Homyakov preferred the tradition of a sermon to the tradition of a confessional friendly letter popular

in the first third of the 19th century. Oriented on the evangelical tradition, the sermon in Homyakov's letters aims not only at Christian virtues, but also at Slavophiles' activity.

Keywords *A. S. Homyakov, word of the teacher, sermon, parable, letter, genre.*

Об авторе:

КУЗЬМИНА Марина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (191180, г. Санкт-Петербург, пер. Дзамбула, 13), e-mail: mdkuzmina@mail.ru.

About the author:

KUZMINA Marina Dmitrievna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Book Publishing and Book Trading, Higher School of Publishing and Media Technologies, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (191180, St.-Petersburg, Dzhambula lane, 13), e-mail: mdkuzmina@mail.ru.